

УДК 94(47)''1914'':355.332(045)

*П.Г. Култышев***ВОЕННАЯ ЭЙФОРΙΑ И ЧУВСТВО ТРЕВОГИ В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ
ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА**

В статье рассматриваются восприятие начала Первой мировой войны в сознании офицеров русской армии и сформировавшиеся в период лета-осени 1914 г. их поведенческие установки и настроения, сконцентрированные одновременно на тревожных переживаниях и чувстве эйфории. Начало мировой войны отозвалось в сознании молодого офицерства в форме самых разных эмоций и форм поведения. Массовое производство в офицеры вчерашних выпускников военных училищ — категории людей во многом определявших отношение офицеров к началу Первой мировой войны на основе их психовозрастных особенностей и обстановки, что складывалась в российском обществе. Среди некоторых черт, характеризующих отношение офицеров к началу Первой мировой войны следует назвать и чувство тревоги: ситуация начала войны была для них новым и ранее не познанным опытом. К этому прибавим и нахлынувшее на молодых офицеров чувство эйфории и сопричастности к великим событиям. Более того, для них была типична излишняя романтизация войны и чувство военного азарта, которые усиливались по мере приближения к линии фронта. Однако, подобные настроения и завышенные ожидания очень скоро разобьются о пугающую изнанку Первой мировой.

Ключевые слова: 1914 год, Первая мировая война, эйфория, чувство тревоги, офицеры, русская армия.

Первая мировая война принадлежит к числу событий, оставивших след в истории всех европейских стран и части государств и народов других континентов. Однако в 1914 г. мало кто предвидел, что набирающий силу конфликт приведёт к развалу четырёх империй и переделу всего мира. Все готовились к «молниеносной войне», способной расставить все точки над «i», затратив минимум ресурсов и за кратчайшее время. Внутри ведущих государств Европы царил небывалая уверенность в собственных силах, а патриотические чувства охватили чуть ли не все слои западного общества.

Не стало исключением и общество Российской империи. Начало Первой мировой войны привело к редчайшему единению власти и народа во имя исполнения основной цели — защиты Отечества. Общей эмоциональной тональности соответствовали настроения и в среде офицерского корпуса русской армии. Именно эти эмоции и показатели поведения офицерства приобретали в эти дни весьма большое значение, поскольку исключительно с такими переживаниями молодые офицеры отправлялись на фронт, рискуя распрощаться с жизнью или вернуться искалеченными душой и телом. Более того, поведенческие реакции и установки восприятия ситуации определяли отношение офицеров к войне и противнику, что накладывало свой отпечаток на боевой дух командного состава русской армии. Анализ психоэмоционального и поведенческого состояния офицерского корпуса в первые месяцы войны важен ещё потому, что позволяет сопоставить настроения офицеров в начале войны и в период революционных потрясений 1917 г. Другой фактор, актуализирующий проблематику, — это место офицера в структуре армейского организма. Офицер в армии был ключевым звеном: ему подчинялись сотни солдат, идущих вместе с ним на смерть, а от решительности и храбрости, профессионализма и уверенности их в своих силах зависели и массовые настроения рядовых солдат в экстремальных условиях полномасштабной войны.

Изучение эмоционального состояния молодого офицерства в период начала Первой мировой войны ещё не нашло должного осмысления в отечественной научной литературе. Большинство российских историков концентрируют своё внимание в основном на трёх направлениях: 1) быт, нравы и поведение офицеров русской армии в начале XX в.; 2) социальные и последующие перемены в поведении и оценочных суждениях офицеров военного времени 1914–1917 гг.; 3) русский офицерский корпус в период революционных событий 1917 г. У каждого из этих направлений — весьма обширный историографический багаж, который с каждым годом становится всё более крупным и проработанным. Среди работ, посвящённых офицерскому корпусу русской армии, безусловно, выделяются работы С. В. Волкова [3] и В. Н. Суряева [19]. Оба автора исследуют схожие проблемы, которые строятся вокруг анализа русского офицерства и его роли в истории России. Выделим также монографию И. Н. Гребёнкина [4], в которой на основе архивных и опубликованных источников автор с достойной скрупулёзностью и научной обоснованностью воссоздаёт социально-политический и миро-

воззренческий облик русского офицерства накануне и в годы Первой мировой войны. Он не обошёл вниманием стороны довоенного быта офицеров, их статус в российском обществе, политические предпочтения офицеров и их профессиональный уровень. И. Н. Гребёнкин вполне справедливо заметил, что к «началу Первой мировой войны процесс становления российского офицерства как профессиональной группы далеко не завершился, и оно во многом продолжало сохранять черты сословно-профессиональной корпорации» [4, с. 468]. Однако в монографических и периодических изданиях практически не уделено внимание проблеме массовых настроений среди молодых офицеров русской армии в первые месяцы войны. Именно поэтому данный фактор дополнительно актуализирует момент обоснования актуальности настоящей темы.

Накануне Первой мировой войны русская армия располагала одним из лучших типов кадрового офицерства. Об этом писали многие современники и очевидцы событий 1914 г. Но недокомплект офицеров в 3380 чел. по штатному расписанию вынудил государство пойти на ряд мер для увеличения числа офицеров [8, с. 21]. Итогом деятельности военного министерства под руководством В. А. Сухомлинова стал ускоренный выпуск из военных училищ и спешное производство в офицеры, что было отмечено в отчёте военного министра: «...всех нижних чинов, имеющих соответствующий уровень образования...» [10, с. 127]. В результате государственная расточительность первых дней войны привела к тому, что «...во всех ротах было по три, по четыре младших офицера...Фельдфебели стояли за взводных...Старшие унтер-офицеры за рядовых» [16, с. 54]. Изобилие офицерских кадров первых 2–3 месяцев войны было поражающим. Такая концентрация недоученной, но готовой на подвиги «военной молодёжи» повлекла за собой рождение особого духа и отношения к войне среди самих офицеров. Молодые офицеры со свойственным их возрасту азартом не воспринимали надвигающуюся войну как суровое и жестокое испытание. У них не было боевого опыта, и они пока не представляли себе всех ужасов войны. В их сознании война была той целью, ради которой они получали своё образование и к чему стремились профессионально и всем своим человеческим существом. Они ждали войны и рвались на фронт. Размышляя на эту тему в своих воспоминаниях, бывший в то время в звании полковника П. Н. Краснов почти на двух страницах убедительно пытается доказать мысль, что армия Российской империи не желала и не могла желать войны. «Мы, — пишет Краснов, имея в виду военных, — не хотели, потому, что мы-то, как никто, а такие как я, пробывшие полтора года на войне с японцами, особенно остро ощущали, что такое война во всём ее безобразии» [11, с. 379]. Но А. И. Деникин, современник П. Н. Краснова, соглашаясь с этим мнением [7, с. 279–280], вносит в этот вопрос важное и верное уточнение: «Войны не хотели, за исключением разве пылкой военной молодёжи, жаждавшей подвига» [6, с. 18].

Именно молодое и «необстрелянное» офицерство испытывало стойкое желание участвовать в новой войне. В июльские дни 1914 г. их сознанием завладели радостный сумбур и непозволительное легкомыслие. Эйфория первых дней мобилизации захлестнула молодых офицеров, породив и в сознании, и в поведении несерьёзное, ребяческое отношение к войне. В этом кураже середины июля 1914 г. пребывали и молодые представители царской крови. Братья Олег и Гавриил Константиновичи почти одинаково описывают своё возбуждённое и радостное состояние этих дней. «Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне», — записывает в своём дневнике князь Олег Романов [2, с. 215]. Его восторг подхватывает брат Гавриил Романов: «Я был счастлив, — пишет он, — что иду на войну: это всегда было мечтой моей жизни» [2, с. 215]. Даже эмоционально сдержанный в своих воспоминаниях генерал В. И. Гурко замечает: «В полках моей дивизии известие о предстоящей кампании встретили с большим подъёмом и горячим желанием применить на практике все те знания и умения, которые в мирное время накапливались годами спокойного упорного труда» [5, с. 32]. Но более всего показательна реакция простых младших офицеров, не связанных с громкими фамилиями или высокими постами. В эти дни их переполняла волна радости и безудержной смелости: «В бараке, — пишет в своём дневнике от 12 июля 1914 г. подпоручик Иванов, — дикий восторг, уверенность в неминуемой войне» [18, с. 68]. Автор кратко, но ярко описывает всеобщую радость и затем формулирует своё отношение к надвигающейся войне. По-видимому, среди общего веселья или уже после утихшего празднества, он замечает: «Первый раз подумал о войне, как о чём-то близком — жутко, но радостно» [18, с. 68]. В последних двух словах и заключается вся гамма чувств, нахлынувших на молодых офицеров. Им было жутко и тревожно от неизвестности следующего дня, жутко от того, сколько жизней может поглотить новая война; жутко, что в неё могут окунуться весь мир и близкие им люди. Тревога, появившаяся в сознании молодых офицеров, была следствием их

неопытности и новизны ощущений. Однако к этому примешивалось и чувство радости, эйфории от предстоящих свершений, от масштаба событий и простая «нервная» радость, как защитная реакция психики человека, оказавшегося в экстраординарной ситуации.

Беспокойство офицеров, чувство тревоги и армейский азарт усиливались ещё и от того, что на плечи неопытных офицеров легла ноша участия в ускоренной мобилизации. На случай худшего развития событий офицеры обязаны были подготовить свои подразделения и ожидать приказа о мобилизации. По словам офицеров, предмобилизационные мероприятия шли в полках полным ходом. Так, в дневнике того же подпоручика Иванова за 15 июля есть следующая запись: «В полку лихорадочно заканчиваются последние приготовления к мобилизации» [18, с. 68]. Письмо другого офицера штабс-капитана К. И. Рябцева свидетельствует о той же суете, что охватила армию в первой половине июля: «В полку идут приготовления. Мобилизации ещё нет, но ждут её. <...> С утра до ночи идёт раздача, выдача. Когда состоится объявление, в точности не знают» [18, с. 79]. Успешная и быстро проведённая мобилизация, патриотические настроения, охватившие самые различные слои общества, создавали благоприятную атмосферу и вселяли в молодых офицеров чувство уверенности в своём Отечестве. Показательны в этом отношении строки из дневника поручика А. В. Орлова: «Настроение отличное: спокойное, уверенное, торжественное, прямое, гордое, что Россия выступила на твёрдый путь и идёт, не колеблясь, к намеченной цели. Жаль будет, если это настроение не будет использовано: если дипломатия, никогда не бывшая на высоте призвания, отступит или немцы, всегда так воинственно настроенные, струсят. Жалко, если такое напряжение сил — всё вхолостую» [15, с. 205]. Эта запись полна сожаления, не просто о, быть может, напрасно принятых мерах, а о, возможно, мирном разрешении конфликта. То же желание войны звучит и в пророческих строках есаула А. А. Упорникова: «Тучи на границе снова собираются, и ведь грянет когда-нибудь гром на полях Восточной Пруссии» [14, с. 39].

Однако всеобщая радостная нервозность не лучшим образом сочеталась с тем положением, в котором оказались сами молодые офицеры. Ожидание объявления войны эмоционально изматывало их. В течение нескольких дней они оказались в состоянии неразрешённой, незаконченной ситуации, что ещё больше усугубляло напряжение психологического состояния, колебавшегося от тихих раздумий до радужных надежд. Казалось, что до войны осталось совсем чуть-чуть, ещё немного, и загремят по дорогам колонны солдат, а с холмов послышится раскатистый рёв пушек. Но война не наступала. С момента объявления австрийского ультиматума Сербии день тянулся за днём, погружая всех в «напряжённое беспокойное состояние» [11, с. 436]. Ситуация, не имеющая логического завершения, тревожила и удручала молодых офицеров: некоторым уже казалось, что войны не будет. Однако наступило роковое 19 июля — и все сомнения развеялись, как дым. Объявление войны было встречено всеобщим ликованием и одобрением решимости царя. В офицерских собраниях гремело русское «ура» и гимн Российской империи [18, с. 68]. Объявление войны, наконец-то, прервало ожидания офицеров и задавало чёткий вектор действия и принимаемых решений. Более того, начало войны разрушило эмоциональный тонус и вывело на свет в сознании и поведении офицеров радость и повышенную профессиональную и личную активность.

Чувства молодых офицеров особенно возрастали по мере их приближения к району боевых действий. Даже само «сидение на сборном пункте» [18, с. 68] действовало на них удручающе, а дни, проведённые в вагоне, казались нескончаемыми [17, с. 25]. И как только в полку происходил молебен (предвестник скорой отправки на фронт), настроение менялось на «нервное, но очень радостное» [18, с. 68]. Возбуждающе действовала и погрузка в эшелон; к офицерам возвращалась «бодрость, веселье» и ставшее для многих роковым «желание скорее попасть в бой» [18, с. 68]. Решимость молодых офицеров и их боевой настрой подогревали пышные проводы и тот приём, который им оказывали на пути к фронту. Под впечатлением этой атмосферы князь Олег Романов писал: «Настроение всех было восторженное: гусары пели песни, на станциях толпы народа встречали нас криками “ура” и горячими пожеланиями успеха» [2, с. 221–222]. Другой офицер позже вспоминал: «Воодушевление и небывалый подъём всего населения России сказывались во всём. На улицах всех офицеров и солдат ласково приветствовали» [9, с. 66]. Но бывали случаи, когда отдельные полки или воинские эшелоны лишались всей полноты момента. Испытав это на себе, и покидая город в присутствии нескольких дам и священника, В. Литтауэр с горечью и лёгкой завистью вспоминал: «...на долю следующих эшелонов пришлось и приветственные возгласы, и прощальные слова, и слёзы» [12, с. 128]. И если такую досаду в среде офицеров вызывал лишь сам факт неудачных проводов, то каково было состояние тех, кто оставался в тылу и смиренно ждал своей участи. Такие офицеры не просто мечтали о

войне и приветствовали её начало, а спешили в ней обязательно поучаствовать. Находясь в Новочеркасске, есаул А. А. Упорников с тоской пишет в своих письмах: «Когда нас двинут из Новочеркаска, пока неизвестно, а здесь торчать прямо нет возможности. Я с болью вспоминаю, что я уже не в 1-й дивизии. Одно желание — скорей бы выбраться отсюда» [14, с. 39]. Ему, горько сокрушаясь, но уже из Петрограда, вторит в своём дневнике поручик А. В. Орлов. 18 октября 1914 г. он записывает: «Неужели так и придётся просидеть всю войну здесь, абсолютно ничего не делая! Ведь это прямо позор будет — офицеру действительной службы не принять участия в этой первой и последней мировой войне!» [15, с. 214]. В последующие месяцы, под давлением явной депрессии, А. В. Орлов дважды фиксирует в дневнике мысль о самоубийстве, но 20 января 1915 г. приходит «спасительная» телеграмма, а спустя полтора года его дневник обрывается.

Но угроза жизни была не тем препятствием, которое смогло бы остановить молодых офицеров в 1914 г. Они всеми правдами и неправдами рвались вперёд — на фронт. А смертельная опасность лишь зажигала в их сердцах пламя военного азарта. Эффект от этих эмоций буквально окрылял младшее офицерство, когда полки переходили границу. Вспоминая этот момент, великий князь Гавриил Романов писал: «...все с нескрываемой радостью стремились вперёд к мосту, отделявшему Россию от Германии» [2, с. 224]. Ещё более ярко и эмоционально звучат строки из мемуаров ротмистра В. Литтауэра, которому тогда было чуть больше 20 лет. Вот как он описывает чувства, царившие во время разведывательного рейда среди его участников: «...сейчас для нас всё было внове, и мы рвались в бой. Нам и в голову не приходило, что существует вероятность нарваться на вражескую засаду и погибнуть. <...> Нам казалось, что наконец-то начинаются настоящие приключения. Мы были словно дети, играющие в прятки...» [12, с. 132].

Воодушевление и героизм младших офицеров были следствием их молодости и неопытности, когда романтизация войны так же естественна, как и желание участия в ней. Здесь главную роль сыграл тип воспитания молодых офицеров. В их среде, весьма чуткой к вопросам чести и верности, воспринимавшей подвиг и личный пример как необходимые атрибуты истинно офицерского поведения, проявление осмотрительности в бою считалось, по меньшей мере, предосудительным поступком. Офицер, воодушевляя солдат на атаку, должен был быть во главе атакующей цепи. Эту черту офицеров подмечал и военный министр, генерал от инфантерии А. А. Поливанов. По его мнению, «...русский солдат дерётся упорно и ползет куда угодно, пока есть офицер, который его ведёт. Нет офицера — и наши солдаты большей частью теряются. Значит, офицер всегда впереди, отчего и убыль среди них огромная» [16, с. 136]. Но эта формулировка несколько суха при сравнении с тем, на что была способна военная молодёжь. Уже прошедший два года войны поручик Р. Болеславский так описывал бой молодого корнета: «Он летел в атаку впереди своего эскадрона, и только стек был в его руках, затянутых в белоснежные перчатки» [1, с. 56]. В поведении молодых офицеров заключался яростный, по сути, радикальный протест против тех правил войны, которые были продиктованы техническим развитием армии противника. Наблюдая с первых боёв многократное превосходство неприятеля в артиллерии и авиации, молодые офицеры могли противопоставить врагу лишь собственную отвагу и пренебрежительное отношение к смерти. Вместе с тем в офицерской среде культивировался и поддерживался своеобразный «рыцарский кодекс», характерный в большей степени для войн прошлого. Его основой был «Наказ русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», в котором говорилось: «Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями. Рази врага в честном бою. Безоружного врага, просящего пощады, не бей. Уважай чужую веру и её храмы. Когда окончилось сражение, раненого жалеи и старайся по мере сил помочь ему, не разбирая — свой он или неприятельский» [20, с. 44].

Однако настоящее сражение предстало молодым и неопытным офицерам как совсем иное явление. В первые месяцы войны молодые офицеры упивались каждым её днём. Они были в восторге от масштабных сражений и первых лихих атак, забывая высокогуманный «Наказ...». Штабс-капитан А. Н. Моллер в своём письме от 8 сентября 1914 г. с показным натурализмом описывает бой под Гельчевом: «Загремело могучее русское “ура”. Стоял форменный ад: целые группы наступавших вырывались шрапнелью; кругом валились массами обезображенные трупы; кровь, кровь и кровь! <...> Все офицеры шли впереди, не шли, а валили, не разбирая ни огня, ни жертв. “Ура” гремело, всё неслось... как лава, сбивая окопы, работая прикладами, штыками и револьверами. Австрийцы не выдержали. <...> Но наши настигали, бились как львы, размозжали головы, кололи в упор стрелявшего неприятеля и оставляли путь усеянным ранеными и убитыми» [18, с. 76]. Более того, даже простое созерцание батальных сцен приводило молодых офицеров в восхищение, заставляя забывать все нормы

предвоенной жизни. «Картина была столь завораживающе-прекрасной, — признавался позже В. Литтауэр, — что ни мой мозг, ни сердце не пронзала мысль, что мы являемся свидетелями действия, когда люди убивают друг друга» [12, с. 135]. Даже пережив ранение и вернувшись в свою батарею, есаул А. А. Упорников сожалеет о том, что он не в пехоте и не сможет испытать настоящую атаку. Наблюдая весь ужас войны, он продолжает рваться в бой: «Знаю, что это очень тяжело, но душа просится» [14, с. 40]. Данная модель поведения гармоничным и естественным образом сочеталась с романтическим легкомыслием младших офицеров. Первые сражения и переход границы ещё не вызвали в сознании молодых офицеров отталкивающего восприятия войны. В их сознании ещё были крепки ассоциации войны с учениями, а быстрых марш-бросков по вражеской территории — с пышными парадами. Более того, стычки с врагом обостряли военный азарт неопытных офицеров, а излишняя романтизация войны не способствовала реалистичному восприятию противника и своей Родины.

Таким образом, Первая мировая война не стала ни сплошной чередой высоко героических свершений, ни захватывающим развлечением. Она перемалывала сотни тысяч душ, подвергая внутренний мир человека необратимым психологическим трансформациям. Война, обманувшая надежды молодых офицеров и развенчавшая их предвоенные убеждения, грозила не столько шоком от полей, усеянных изуродованными трупами, сколько губительной фрустрацией и апатией к происходящему. Завышенные и неоправданные ожидания молодых офицеров с треском разбивались о жестокие реалии Первой мировой войны, угрожая губительным разочарованием в своей стране, народе и командовании. Но летом-осенью 1914 г. молодые офицеры, ещё не познавшие всех ужасов войны, переживали весьма пёструю палитру чувств и переживаний, которые колебались от бурного восторга до тревожащих душу размышлений. Осознавая всю грандиозность происходивших событий, они порой забывали о собственной жизни, стремясь успеть принять участие в войне. Подобная картина восприятия Первой мировой войны была характерна для сознания тысяч младших офицеров. Погружаясь в героико-романтическую атрибутику войны, они не всегда полностью осознавали весь её ужас и кошмар. Подобные настроения и непродуманная политика властей по досрочному производству в офицеры вчерашних юнкеров привела к тому, что к исходу 1915 г. русская армия практически лишилась кадрового предвоенного офицерства и стала пополняться офицерами военного времени, которые отправлялись на войну, руководствуясь уже совсем иными мотивами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болеславский Р.* Путь улана. Воспоминания польского офицера. 1916–1918. М.: Центрполиграф, 2006. 287 с.
2. *Великий князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. Мемуары. М.: Захаров, 2001. 384 с.
3. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.
4. *Гребёнкин И. Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.
5. *Гурков И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. 430 с.
6. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Минск: Харвест, 2003. 464 с.
7. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М.: Айрис-пресс, 2006. 544 с.
8. *Зайончковский П. А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // *Вопр. истории.* 1981. № 4. С. 21–29.
9. *Климович Г. Ф.* Материалы по истории лейб-гвардии Московского полка. Великая европейская война 1914, 1915, 1916 и 1917 г. Период с 10 июля 1914 г. по 11 июля 1915 г. // *Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: сб. документов.* М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 59–103.
10. *Копылов Н. А.* Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // *Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОСССПЭН), 2005. С. 127–140.
11. *Краснов П. Н.* Воспоминания о Русской Императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. 608 с.
12. *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 286 с.
13. *Макаров Ю. В.* Служба в старой гвардии // *Воен.-ист. журн.* 2002. № 6. С. 51–56.
14. *Надевая офицерский мундир, начинаешь смотреть на всё несколько иными глазами...»* Фронтовые письма есаула А. А. Упорникова (публ. подгот. Е. Ф. Колпикова) // *Воен.-ист. журн.* 2007. № 1. С. 38–43.

15. Орлов А. В. Дневник. 17 июля 1914 г. — 1 июня 1915 г. // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: сб. документов. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 202–261.
16. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. 1. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 240 с.
17. Семёнов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
18. Стон мешался с криком «ура». На германской войне. Год первый (публ. подгот. А. Афанасьев, Ф. Петров) // Источник. 2002. № 1. С. 67–88.
19. Суряев В. Н. Офицеры Русской императорской армии. 1900–1917 гг. М.: Русское историческое общество, Русская панорама, 2012. 272 с.
20. Ухач-Огороднич Н. А. Психология толпы и армии. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1911. 54 с.

REFERENCES

1. Boleslavskij R. Put' ulana. Vospominaniya pol'skogo oficera. 1916–1918 [The way of the lancer. Memories of a Polish officer. 1916–1918]. Moscow, "Tsentrpoligraf" Publ., 2006, 287 p. (In Russian).
2. Velikij knjaz' Gavriil Konstantinovich. V Mramornom dvorce. Memuary [In the Marble Palace. Memoirs]. Moscow, "Zakharov" Publ., 2001, 384 p. (In Russian).
3. Volkov S. V. Tragediya russkogo oficerstva [The tragedy of Russian officers]. Moscow, "Tsentrpoligraf" Publ., 2002, 509 p. (In Russian).
4. Grebenkin I. N. Dolgi vybor: russkij oficer v gody mirovoj vojny i revoljucii. 1914–1918 gg. [Duty and choice: Russian officer in the years of world war and revolution. 1914–1918]. Moscow, "AIRO-XXI" Publ., 2015, 528 p. (In Russian).
5. Gurko V. I. Vojna i revoljucija v Rossii. Memuary komandujushhego Zapadnym frontom. 1914–1917 [War and revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front. 1914–1917]. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ., 2007, 430 p. (In Russian).
6. Denikin A. I. Oчерki russkoj smuty: Krushenie vlasti i armii. Fevral' — sentjabr' 1917 [Essays on the Russian Troubles: The collapse of power and the army February — September 1917]. Minsk: "Harvest" Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
7. Denikin A. I. Put' russkogo oficera. Stat'i i oчерki na istoricheskie i geopoliticheskie temy [The way of the Russian officer. Articles and essays on historical and geopolitical themes]. Moscow: "Iris-Press" Publ., 2006, 544 p. (In Russian).
8. Zajonchkovskij P. A. Oficerskij korpus russkoj armii pered pervoj mirovoj vojnoj [Officer Corps of the Russian Army before the First World War]. Voprosy istorii [Questions of History], 1981, no. 4, pp. 21–29. (In Russian).
9. Klimovich G. F. Materialy po istorii lejbgvardii Moskovskogo polka. Velikaja evropejskaja vojna 1914, 1915, 1916 i 1917 g. Period s 10 ijulja 1914 g. po 11 ijulja 1915 g. [Materials on the history of the Life Guards Regiment of the Moscow Regiment. The Great European War of 1914, 1915, 1916 and 1917. The period from July 10, 1914 to July 11, 1915]. Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 gg. v dnevnikah i vospominaniyah oficerov Russkoj imperatorskoj armii: Sbornik dokumentov [The First World War of 1914–1918 in the diaries and memoirs of officers of the Russian Imperial Army: Collection of documents]. Moscow, "Political Encyclopedia" Publ., 2016, pp. 59–103. (In Russian).
10. Kopylov N. A. Social'no-psihologicheskij portret russkogo oficerstva v gody pervoj mirovoj vojny [Socio-psychological portrait of Russian officers during the First World War]. Voenno-istoricheskaja antropologija. Ezhegodnik 2003/2004 [Military-historical anthropology. Yearbook 2003/2004]. Moscow, "The Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN) Publ., 2005, pp. 127–140. (In Russian).
11. Krasnov P. N. Vospominaniya o Russkoj Imperatorskoj armii [Memories of the Russian Imperial Army]. Moscow, "Iris-Press" Publ., 2006, 608 p. (In Russian).
12. Littaujer V. Russkie gusary. Memuary oficera imperatorskoj kavalerii. 1911–1920 [Russian Hussarpp. Memoirs of an officer of the Imperial Cavalry. 1911–1920]. Moscow, "Tsentrpoligraf" Publ., 2006, 286 p. (In Russian).
13. Makarov Ju. V. Sluzhba v staroj gvardii [Service in the old guard]. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-Historical Journal], 2002, no. 6, pp. 51–56. (In Russian).
14. «Nadevaja oficerskij mundir, nachinaesh' smotret' na vse neskol'ko inymi glazami...» Frontovye pis'ma esaula A. A. Upornikova (publikaciju podgotovila E. F. Kolpikova) ["Putting on your officer's uniform, you start to look at everything with slightly different eyes..."] Front letters of A. A. Upornikova (publ. by E. F. Kolpikova). Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-Historical Journal], 2007, no. 1, pp. 38–43. (In Russian).
15. Orlov A. V. Dnevnik. 17 ijulja 1914 g. — 1 ijunya 1915 g. [A diary. July 17, 1914 — June 1, 1915]. Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 gg. v dnevnikah i vospominaniyah oficerov Russkoj imperatorskoj armii: Sbornik dokumentov [The First World War of 1914–1918. in the diaries and memoirs of officers of the Russian Imperial Army: Collection of documents]. Moscow, "Political Encyclopedia" Publ., 2016, pp. 202–261. (In Russian).

16. *Polivanov A. A.* Iz dnevnikov i vospominanij po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshhnika. 1907–1916. Т. 1 [From the diaries and memoirs of the post of military minister and his assistant. 1907–1916]. Moscow, “Supreme Military Editorial Council” Publ., 1924, 240 p. (In Russian).
17. *Semenov G. M.* O sebe. Vospominanija, mysli i vyvody. 1904–1921 [About myself. Memories, thoughts and conclusionpp. 1904–1921]. Moscow, “Tsentrpoligraf” Publ., 2007, 304 p. (In Russian).
18. “Ston meshalsja s krikom “ura”. Na germanskoj vojne. God pervyj (publikaciju podgotovili A. Afanas’ev, F. Petrov) [“The groan interfered with the cry of “Hurray”. On the German war. The first year (the publ. was prepared by A. Afanasyev, F. Petrov)]. Istochnik [Source], 2002, no. 1, pp. 67–88. (In Russian).
19. *Surjaev V. N.* Oficery Russkoj imperatorskoj armii. 1900–1917 gg. [Officers of the Russian Imperial Army. 1900–1917 years]. Moscow, “Russian Historical Society, Russian panorama” Publ., 2012, 272 p. (In Russian).
20. *Uhach-Ogorovich N. A.* Psihologija tolpy i armii [Psychology of the crowd and the army]. Kiev, S. V. Kulzhenko Prin. House, 1911, 54 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.17

P.G. Kultyshev

MILITARY EUPHORIA AND ANXIOUS FEELING IN THE CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR OF OFFICERS OF THE RUSSIAN ARMY IN SUMMER-AUTUMN OF 1914

The article deals with the perception of the beginning of World War I in consciousness of officers of the Russian army and the behavioral patterns and moods concentrated on anxious feelings and sense of euphoria formed in summer-autumn of 1914. The beginning of World War I has got a response in consciousness of young officers in the form of the most various emotions and models of behavior. Due to the mass production in officers of yesterday's graduates of military colleges, this category of people in many respects defined the relation of officers to the beginning of World War I. This relation was formed on the basis of psycho-age features of young officers and the situation that developed in the Russian society. Among some officers' features characterizing the relation to the beginning of World War I it is necessary to mention the feeling of anxiety due the fact that the situation of the beginning of war was new and earlier unknown experience for officers. To this should be added also the sense of euphoria and participation in great events which has gushed over young officers. Moreover, the excessive romanticizing of war and feeling of military passion amplifying as approaching the front line were typical for young officers. However, such moods and the overestimated expectations in very fast time could break against a frightening inside of World War I.

Keywords: 1914, World War I, euphoria, anxiety, officers, Russian army.

Култышев Павел Геннадьевич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры истории России

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105
E-mail: halchard@mail.ru

Kultyshev P. G.,
Candidate of History, Senior Lecturer
of the Department of Russian History

Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya st., 105, Rostov-on-Don, Russia, 344006
E-mail: halchard@mail.ru